

Творчески интенсивная, насыщенная событиями жизнь Сергея Есенина не могла не поразить исследователя русской поэзии доктора филологических наук, профессора Ю. А. Мешкова. И с 2005 г. его публикации, среди которых статьи «Сергей Есенин: перед литературным дебютом», «Дебютные стихи Сергея Есенина», «"Радуница" Сергея Есенина», «Персидские мотивы», «Русь Сергея Есенина», «Загадочная "Страна негодяев"...», «Перечитывая "Анну Снегину"», «Я один... И разбитое зеркало» и другие, появляются в научных сборниках, литературно-художественных журналах и альманахах, а также в газетах.

Постепенно вырисовывалась канва книги Ю. А. Мешкова «Сергей Есенин: судьба поэта». В «Прологе к судьбе» (вступлении) Юрий Анатольевич словами Сергея Есенина:

Стихи мои,
Спокойно расскажите
Про жизнь мою, —

определит структуру книги: «Рассказывая о стихах поэта, мы рассказываем и о нем».

Книге о Сергее Есенине не суждено было выйти. Остались статьи Ю. А. Мешкова, опубликованные и неопубликованные, но в целом они воссоздают и раскрывают сложный, противоречивый и трагический облик поэта.

Раиса Илларионовна МЕШКОВА

Юрий
Анатольевич
МЕШКОВ

РЕАЛЬНОСТЬ РОССИИ И МИФ О РУСИ (отрывок из книги о поэте)

К 120-летию Сергея Есенина

В статье рассмотрен образ Руси в ранней лирике С. Есенина. Показано, что, хорошо зная суровую правду о реальной России, поэт тем не менее в своих стихах создавал свою Русь как символ особого духовно-нравственного начала жизни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образно-эстетический идеал, художественная правда, повесть «Яр», поэма «Марфа Посадница», поэма «Ус», повесть о Евпатии Коловрате.

Искусство, в том числе и словесное, не требует, как известно, признания своих образов реально существующими. Поэт воссоздает словом мир, каким он его себе представляет, творит этот мир в соответствии со своим идеалом и своими предпочтениями. Подлинность этого мира создается художественной убедительностью слова.

Новокрестьянские поэты 10-х гг. XX в., в рядах которых Сергей Есенин начинал свой творческий путь, словом создавали свой образ Руси, далеко не совпадавший с той реальной Россией, какой она открывалась трезвому и внимательному на-

блюдателю. Владислав Ходасевич в воспоминаниях о Есенине не случайно приводит письмо Александра Ширяевца, отвечавшего на упрек, что в его стихах русский мужик-крестьянин предстает не таким, какой он есть, а таким, каким он вряд ли когда был и точно уже не будет. Ширяевец писал:

«Отлично знаю, что такого народа, о каком поют Клюев, Клычков, Есенин и я, скоро не будет, но не потому ли он и так дорог нам, что скоро не будет?.. И что прекраснее: прежний Чурила, в шелковых лапотках с припевками да присказками, или нынешний Чурила, в американских щиблетах, с Карлом Марксом и «Летописью» в руках, захлебывающийся от открываемых там истин?.. Ей-Богу, прежний мне милее!.. Ведь не так-то легко расстаться с тем, чем жили мы несколько веков! Да и как не уйти в старину от теперешней неразберихи, ото всех этих истерических воплей, называемых торжественно «лозунгами»... Может быть, чушь несу я страшную, это все потому, что не люблю я современности окаянной, уничтожившей сказку, а без сказки какое житье на свете?» [Цит. по: Ходасевич 1991: 149-150].

Есенинское восприятие мира носило ярко выраженный мифопоэтический характер. Его системообразующим началом выступал образ Руси. Образно-эстетическое выражение идеала через Русь Есенин сохранит до конца жизни. Эта верность поэта идеалу и его образно-эстетическому выражению в Руси Владислав Ходасевич посчитал главным его заблуждением.

«В основе ранней есенинской поэзии, — читаем в воспоминаниях Ходасевича, — лежит любовь к родной земле, а не к России с ее городами, заводами, фабриками, с университетами и театрами, с политической и общественной жизнью. России в том смысле, как мы ее понимаем, он в сущности не знал. Для него родина — свои деревня да поля и леса, в которых она затерялась. В лучшем случае — ряд таких деревень: избяная Русь, родная сторонущка, не страна; единство социальное и бытовое, а не государственное и даже не географическое. Какие-нибудь окраины для Есенина, разумеется, не Россия. Россия — Русь, Русь — деревня...» [Там же: 124].

Эту мысль Ходасевич снова повторяет, завершая воспоминания: «Горе его было в том, что он не сумел назвать ее (родину. — Ю. М.): он воспевал и бревенчатую Русь, и мужицкую Руссию, и социалистическую Инонию, и азиатскую Расею, пытался принять даже СССР, — одно лишь верное имя не пришло ему на уста: **Россия**. В том и было его главное заблуждение, не злая воля, а горькая ошибка. Тут и завязка и развязка его трагедии» [Там же: 154].

Советские литературоведы стремились доказать обратное: Есенин преодолел ограниченность своего национального самосознания, поднялся на «новую, более высокую ступень», а в 20-е гг. он «чувствует себя российским поэтом, поэтом Советской Руси, Страны Советов» [Жаворонков 1971: 112]. Такой подход давал возможность вписать творческий путь поэта в социально-конкретную историю времени, увязать его эволюцию с историей времени, показать, как Есенин «отражал» события времени. Но в итоге разрушалась есенинская мифопоэтическая модель мира, специфический есенинский «идеалистический хронотоп» (М. Бахтин), где нет пространства-расстояния и времени-истории.

Ю. Бычков. ЧЕЛОВЕК И РЫБА. ЭКСЛИБРИС. 2003

Русь как образно-эстетический идеал Сергея Есенина являла собой, как следовало уже из стихов «Радуницы», духовно-нравственное пространство бытия, пребывающего в вечном поиске. Есенин воспевал это пространство, дорожил им, тревожился о его сохранности и сохранял верность своему мифу о Руси.

С определенностью скажем, что Сергей Есенин события времени воспринимал в их реальности. Он ценил точность художественного воспроизведения правды жизни.

Высоко оценивая как художников Л. Толстого, В. Короленко, М. Горького, поэт, однако, выделил Глеба Успенского. Из сохранившейся записи следует, за что: «Когда читаю Успенского, то вижу перед собой горькую правду жизни. Мне кажется, что никто еще так не понял своего народа, как Успенский. Идеализация народничества 60-х и 70-х гг. мне представляется жалкой пародией на народ. Прежде всего там смотрят на крестьян, как на забавную игрушку. Для них крестьянин — это ребенок, которым они тешатся, потому что к нему не привилось еще ничего дурного. Успенский

показал нам жизнь этого народа без всякой рисовки. Для того, чтобы показать народ, не нужно было ходить в деревню. Успенский видел его и на Растеряевой улице. Он показал его не с одной стороны, а со всех. И смеялся Успенский не так, как фальшивые народники — над внешностью, а над сердцем своей правдивой души, горьким словом Гоголя» [Есенин, т. 5: 234].

Народную жизнь в ее «горькой правде» и «без всякой рисовки» Сергей Есенин знал. Она встает со страниц его повести «Яр». О ней он попытался сказать и в других своих прозаических опытах. Рассказ «У БЕЛОЙ ВОДЫ», написанный в одно время с «Яром», свидетельствует о тонкой наблюдательности Есенина. Достоверно, подчас с натуралистической точностью, он описывает любовные томления Палаги. Полна реалистических деталей и сказка «БОБЫЛЬ И ДРУЖОК», сентиментальный рассказ о дружбе человека и собаки.

Повесть «Яр» была опубликована весной 1916 г. на страницах журнала «Северные записки». Писал ее Есенин летом 1915 г., когда после Петрограда жил летние месяцы в родном селе. Повесть правдива. В ней довольно точно отражена топография родных мест. Передан диалектный язык местности. Сестра поэта Александра даже составила Словарь местных слов и выражений, употребленных Есениным, и он содержал более 100 слов.

Повесть свидетельствует, что социальные контрасты деревенской жизни ему были хорошо известны. Он повествует о том, как местный барин обманом отрезает у крестьян землю, подкупает судей, как мужики в порыве убивают его и как власти расправляются с ними. Жизнь «без всякой рисовки» открывается и в быте, и в характерах героев повести «Яр».

Детали того обыденного, чем открывалась ему деревенская реальность, встречаем и в стихах. «Ой, не весел ты, край мой родной» [Есенин, т. 1: 32], — вырывается у него.

ЗАГЛУШИЛА ЗАСУХА ЗАСЕВКИ,

СОХНЕТ РОЖЬ, И НЕ ВСХОДЯТ ОВСЫ.

[Там же: 62]

Это было социально-конкретное содержание народной жизни. Неприглядная и реальная правда современной ему деревни.

Константин Карев, герой «Яра», осознает, что есть только один путь изменить что-то в своей жизни — покинуть родные места. И в этом он созвучен Есенину. Сам Есенин летом 1916 г. после очередной короткой поездки в Константиново писал Н. Клюеву: «...дома был — только растравил себя и все время ходил из угла в угол да нюхал, чем отдает от моих бываний там — падалью или сырой гнилью» [Есенин, т. 6: 82].

А ведь незадолго до этого письма он написал очередное, удивительно искреннее поэтическое признание в любви к Руси:

*ЗАПЕЛИ ТЕСАНЫЕ ДРОГИ,
БЕГУТ РАВНИНЫ И КУСТЫ.
ОПЯТЬ ЧАСОВНИ НА ДОРОГЕ
И ПОМИНАЛЬНЫЕ КРЕСТЫ.
ОПЯТЬ Я ТЕПЛОЙ ГРУСТЬЮ БОЛЕН
ОТ ОВСЯНОГО ВЕТЕРКА.
И НА ИЗВЕСТКУ КОЛОКОЛЕН
НЕВОЛЬНО КРЕСТИТСЯ РУКА.
О РУСЬ, МАЛИНОВОЕ ПОЛЕ
И СИНЬ, УПАВШАЯ В РЕКУ,
ЛЮБЛЮ ДО РАДОСТИ И БОЛИ
ТВОЮ ОЗЕРНУЮ ТОСКУ.
ХОЛОДНОЙ СКОРБИ НЕ ИЗМЕРИТЬ,
ТЫ НА ТУМАННОМ БЕРЕГУ.
НО НЕ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ, НЕ ВЕРИТЬ —
Я НАУЧИТЬСЯ НЕ МОГУ.
И НЕ ОТДАМ Я ЭТИ ЦЕПИ,
И НЕ РАССТАНУСЬ С ДОЛГИМ СНОМ,
КОГДА ЗВЕНЯТ РОДНЫЕ СТЕПИ
МОЛИТВОСЛОВНЫМ КОВЫЛЕМ.*

[Есенин, т. 1: 84]

Прозаические опыты 1915 г. подтверждают, что реальную деревенскую Россию Сергей Есенин знал. В то же время он неодобрительно относился к этой самой «горькой правде жизни», когда встречал ее у современников. В том самом письме Клюеву, где он грустно признается, что от его «бывания» дома «отдает... падалюю или сырой гнилью», Есенин чуть выше сообщает: «Сидел тут еще Ганин, у него, знаешь, и рот перекосялся совсем от заевшей его пустой и ненужной правды» [Есенин, т. 6: 82].

Но Есенина-лирика, поэта интересует не это. Иногда исследователи с недоумением отмечают, что есенинские стихи о Руси лишены социального содержания, социальных примет времени. Русь, которую он творил в своих стихах, не совпадала с реальной конкретно-социальной историей России. Он сам это осознавал. Но не спешил «преодолеть» это «противоречие». Сергей Есенин поэтически создавал свою Русь как символ особого духовно-нравственного начала жизни.

Есенинская Русь предстает в ее привычно-повторяющемся укладе жизни. Нарушение этого уклада есть нарушение самого хода жизни. Он знаменует для поэта национально-традиционное бытие, которое Есенин стремится воспеть и оберечь как идеал, который был и который должен быть восстановлен. Этот

идеал намеренно локализуется в пространстве-расстоянии Русью, предстает памятью отчих мест.

В пространстве есенинской Руси ничего не происходит. Она — данность, греющая душу и наполняющая сердце любовью именно как неизменно данное лирическому герою. Его нет вне этой данности. Он констатирует:

ЧЕРНАЯ, ПОТОМ ПРОПАХШАЯ ВЫТЬ!

[Есенин, т. 1: 64]

«Выть» — земельный надел, кормивший крестьян. Кормивший и отбиравший в тяжком труде («потом пропахшая») силы и жизни. Но надел этот — тем более данность, и без него лирического героя тоже нет. А далее уже в следующей строке — признание:

КАК МНЕ ТЕБЯ НЕ ЛАСКАТЬ, НЕ ЛЮБИТЬ?

[Там же]

В лирической сюите «Русь» возникает милая его сердцу «родина кроткая». За ее пределами происходят события, грозящие нарушить ее извечно-привычный уклад жизни. И «без печали, без жалоб и слез» ее «мирные пахари» отправляются с ополчением на войну. Если и происходит что-то событийное, то происходит где-то. Плохие вести приходят «с дальней волости». За пределами родной стороны, в безбрежной сини географического расстояния — «пугливая темнота», и она кажет:

И КАНДАЛЫ ТВОЕЙ СИБИРИ,

И ГОРЬ УРАЛЬСКОГО ХРЕБТА.

[Там же: 67]

Лишь здесь, в локальном пространстве милой Руси, у отчих могил и памятных мест, — покойно и весело, душевно и привычно. И само время в этом пространстве как бы остановилось, застыло в «забытости» родного края, в вековой неизменности примет:

КРАЙ ТЫ МОЙ ЗАБРОШЕННЫЙ,

КРАЙ ТЫ МОЙ, ПУСТЫРЬ.

СЕНОКОС НЕКОШЕННЫЙ,

ЛЕС ДА МОНАСТЫРЬ.

[Там же]

Но для Есенина его Русь — это и затаившийся порыв. Поэтизируемая им кротость и есть не покорность, а в пружину сжатый и затаившийся до времени порыв. И в повести «Яр» он не случайно обмолвился: «В безмолвной кротости есть зачатки бури, которая загорается слабым пламенем и свивается в огненное половодье» [Есенин, т. 5: 19].

«Пламя» и «огненное половодье» волнуют и манят Сергея Есенина. В пору формирования в ранней его лирике поэтической

концепции Руси как образно-эстетического выражения идеального духовно-нравственного пространства национально-традиционной жизни он проявляет интерес к истории. Из истории он берет сюжеты, иллюстрирующие порыв к справедливости как право жить вольно, т. е. привычно. Но вольно-привычное, как оно ни манит к себе, оборачивается гибелью.

Поэма «Марфа Посадница» самим Есениным датирована сентябрем 1914 г. В 1915 г. он предложил ее горьковскому журналу «Летопись». Поэма была принята редакцией, но цензура не пропустила ее. Опубликовал поэт «Марфу Посадницу» только в апреле 1917 г. В ее основе — исторические предания о Марфе, вдове новгородского посадника И. А. Борецкого. В 1471 г. она возглавила боярскую оппозицию, которая отстаивала независимость Новгорода и боролась против присоединения его к Московскому царству.

Сергей Есенин не раскрывает исторической основы борьбы. В поэме он выделяет лишь один момент предания — момент покорения, насильственного пресечения воли. А в речи Марфы главным обвинением Москве, главным посягательством на волю новгородцев выдвигается следующее:

Грамотой московскою извольню повелено

Выгомонить вольницы бражные загулы!

[Есенин, т. 2: 7]

«Бражные загулы» есть символ вольной жизни. И потому они тревожат московского царя: «Новгород мне вольный ног не лобызает!». Для пресечения вольницы царь заключает союз с самим антихристом.

Неуемная тяга к вольности, бунтарски взрывающая кротость поэтизируется Есениным и в поэме «Ус». Собственно, истории здесь нет. Есть лишь исторический персонаж — Василий Ус, сподвижник Степана Разина. Есенин наверняка слышал народные песни об этом историческом лице.

В русском фольклоре есть целый пласт разбойных песен, героями которых являются лица, своей тягой к вольности переступающие нормы обыденности. И сам разбой предстает обыденностью права на вольную жизнь. Атаманы и разбойники пленяли воображение своей непокорностью. Их желание пожить вольно, а точнее, своевольно, выливалось и в загулы.

Поэма Есенина «Ус» открывает Русь разгульную, неугомонную, полыхающую «огненным половодьем» и утешающую себя в половодье винном. Опять возникает образ Москвы, «под полоном» которой «захирел наш дол по-над Доном». Напрасно будем искать в поэме хоть искру социального недовольства. Ус грозит: «Полоню царя, сниму лихо». Мать, прощаясь, восхищена им: «Уж ты сын ли мой, мое чадо!». Надо полагать, Ус

хлебнул вольницы. После сцены прощания с матерью сразу же следует и финал судьбы:

На крутой горе, под Калугой,
Повенчался Ус с синей вьюгой.
Лежит он на снегу под елью,
С весела-разгула, с похмелья.

[Есенин, т. 2: 23]

А завершается поэма рассказом о матери, заждавшейся сына. Ушедший на волю и погибший сын снится ей как «светлоглазый отрок» на иконе Христа.

Еще дальше вглубь истории Сергей Есенин уходит в поэме об Евпатии Коловрате. Есть свидетельства современника поэта, что он читал ее еще в 1915 г. Сам Есенин поэму датировал 1912 г., но впервые опубликовал ее летом 1918 г. Потом он вернется к тексту, сократит его и снова напечатает лишь во втором томе своего Собрания стихотворений, вышедшего уже после смерти Есенина, в 1926 г. Обстоятельства создания двух

А. Мухаметова. МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК. 2014

редакций, их текстовые разночтения, источники и стилевые особенности были в свое время рассмотрены профессором П. Ф. Юшиным [Юшин 1969: 151-173].

Имя Евпатия Коловрата было достаточно широко известно в родных Есенину местах. Рассказ о нем содержится в древнерусской «Повести о разорении Рязани Батыем», которую Есенин, конечно же, знал по Спас-Клепиковской учительской школе. Слышал он, видимо, и народные предания и песни рязанцев о своем герое-земляке. Событие, героем которого Евпатий был, относится ко времени татарского нашествия на Русь. Отсутствующий по делам во время нападения на город

Евпатий застаёт Рязань уничтоженной, жителей убили или угнали в полон. Он собрал небольшую дружину, нагнал войско Батыея, не испугался его численности и вступил в бой. Батый был поражен смелостью и героизмом воинов Евпатия и, оказав немногим оставшимся в живых знаки чести, отпустил их. Есенинская поэма отличается от древнерусского памятника. П. Юшин отмечал: «Идея беззаветной патриотической защиты Русской земли, так сильно прозвучавшая в «Повести...», не имеет такого звучания в поэме. В ней нет ни одного эпизода самоотверженной борьбы русских» [Юшин 1969: 165].

А что же в ней есть? Да все та же любовь пображничать. Евпатий в есенинской поэме «гулял ли, хороводничал» в то время, когда Батый разорял Рязань. К нему, кузнецу и силачу, посылают гонцов уже из Москвы.

Древнерусская «Повесть...» заканчивалась эпизодом, в котором Батый воздаёт должное русским воинам и их предводителю. Есенинская поэма имеет иной финал:

Возговорит лютый ханище:
«Ой ли, черти, куролесники,
Отешите череп Батыря
Что ль на чашу на сивушную».
Уж он пьёт не пьёт, курвяжится,
Оглянется да понюхает:
«А всего ты, сила русская,
На тыновье загодилася».

[Есенин, т. 2: 180]

А во второй редакции поэмы Есенин усиливает мотив бесславной гибели Евпатия. По его кличу отряд собирается «у Палагишинкачерихи»:

Соходилися товарищи
Свет хороброго Евпатия,
Над сивухой думы думали,
Запивали думы брагою.
Говорил Евпатий бражникам:
«Ой ли, други закадычные,
Вы не пейте зелена вина,
Не губите сметку русскую.
Зелено вино — мыслям пагуба,
Телесам оно — что коса траве,
Налетят на вас злые вороги
И развеют вас по соломинке!»

[Там же: 178-179]

Так и случилось. После тревожных слов Батыя:

Что случилось там, приключилось?

Не рязанцы ль встали мертвые

На побоище кроволитное? —

следует строфа, прямо указывающая на причины гибели дружины Евпатия:

А рязанцам стать —

Только спьяну спать;

Не в бою бы быть,

А в снопах лежать.

Первая редакция поэмы называлась многословно: «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете троеручице, о черном идолице и спасе нашем Иисусе Христе». Спасение Руси здесь отдано Божьей воле. Мотив Божьей воли во второй редакции Есенин убрал и поэму назвал проще — «Песнь о Евпатии Коловрате».

Эти три его первые поэмы знаменательны. Поэт активно осваивает в них народно-поэтические традиции и в языке, и в обращении к народным преданиям. Он не славословит, а весьма критично оценивает прошлое, даже в его героических страницах. Есенин явно стремится раздвинуть свои интересы, пробует себя в прозе, создает поэмы. И проза, и поэма жанрово относятся к эпике.

Однако эпика требует иного художественного мышления, чем лирика. Она требует картин, деталей, анализа. Эпика адресуется наблюдательному уму. Лирика адресуется чувству. Это не значит, что лирике не нужны картины, детали, анализ. Но лирика более всего открыта идеалистическому образно-эстетическому ряду. Потому именно в лирике так явно реализован есенинский идеал Руси. Есенинские проза и поэмы существенно корректируют образ «кроткой родины», открывают ее такой, какой поэт не хотел бы ее идеализировать.

Так уже в раннем творчестве Сергея Есенина встречаются и параллельно разворачиваются и трезвая правда о реальной России, которую он знал, и миф о Руси, которую он идеализировал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Есенин С. Полное собрание сочинений: в 7 т. (9 кн.). М.: Наука: Голос, 1995-2001.
2. Жаворонков А. З. Сергей Есенин и русские писатели XIX-XX вв. // Учен. зап. Кировского пед. ин-та. Вып. 49. Киров, 1971.
3. Ходасевич В. Ф. Есенин // Ходасевич В. Ф. Некрополь: воспоминания. М.: Советский писатель: Олимп, 1991.
4. Юшин П. Ф. Сергей Есенин: Идеино-творческая эволюция. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969.